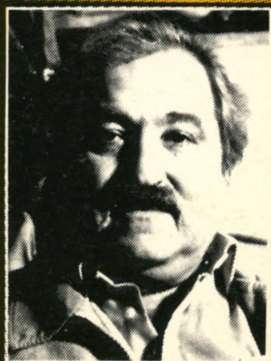
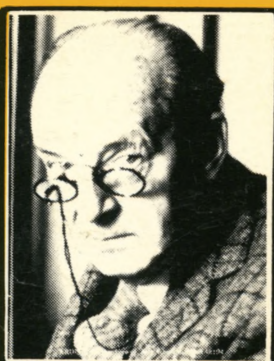
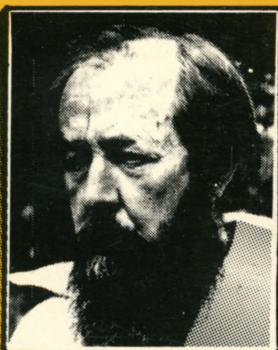

№1(61)

1989 г.

СТРЕЛЫ

АЛЬМАНАХ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Дмитрий БОБЫШЕВ

ДВА ЛАУРЕАТА

1970 – 1987: семнадцать лет, целая литературная эпоха разделяет эти два русских нобеля, два лауреатства, столь непохожие между собой. Проза и поэзия, при этом как бы поменявшиеся местами: напористый идеализм прозаика, окажись оба в одном измерении, встретил бы скептический отпор поэта, настолько они разны. А ведь, кажется, и пространство у них одно, российско-американское, мировое, да и время это же самое, что у всех нас, их негордых читателей и современников. И, хотя "технически" наши лауреаты принадлежат к разным поколениям, все героические злодейства и затяжные мерзости эпохи стали для каждого из них персональным опытом.

Даже война, которую один встретил воином, а другой – младенцем, могла оказаться равно-чудовишной для обоих – ведь, как гласит мудрость нашего века, душевные травмы бывают тем глубже и болезненней, чем нежнее возраст. Да и младенцы в войну мрут ничуть не хуже, чем новобранцы...

Был и ГУЛаг у обоих, и тоже, по их соответствию, разный.

Однако я хотел бы сравнить не творческие биографии, а лишь литературные репутации, то есть сопоставить два умозримых памятника, которые уже существуют в глазах неравнодушных современников.

Конечно, у каждого писателя есть свой читательский круг (что — триумф), и не обязательно кругам этим совпадать или пересекаться. Так, в сущности, и бывает, но только не в наших двух случаях, которые явно переросли из литературных в жизненные события для общества, включающего все, и читательские, и даже не читательские круги.

Видно, не так-то легко отделить литературный текст от жизни, как бы нам этого ни хотелось. Но приходится признать, что именно внелитературный контекст и влияет сильнее всего на восприятие, как, например, романтическая дуэль Пушкина, открывающая сочувствующие сердца юношества ещё, собственно, до сознательного прочтения стихотворных строк.

Эту мысль очень точно, хотя и несколько картинно, выразил в Нобелевской речи Альбер Камю, сравнивший писателя с гладиатором на арене, от которого публика требует крови.

Действительно, если не буквально кровь, то, можно предположить, пота и слёз пролил лауреат-прозаик достаточно, чтобы сохранить свой труд от посягательств, и жизнь, и личное достоинство, и, главное, стать и остаться голосом миллионов замученных душ, причём после премии ещё более громогласным, чем до. Его вызов чудовищу непомерно сконцентрированной власти, вызов смелый, праведный и почти одинокий, заставил всех нас, буквально, затаив дыхание, следить за перипетиями той заведомо неравной борьбы.

Необычно и его нобелевское лауреатство. Ведь чаще всего эта премия оказывается пышным надгробием для осчастливленных писателей, после чего они просто тонут в лаврах. Примеров называть не надо, их слишком много. В этом случае премия пришла во-время, в самый разгар поединка. Тексты — само собой, но на уровне простых символов важнее, чтобы добро победило зло. При этом силы добра, конечно, персонифицировались в героической личности автора.

Непонятно другое. К этому времени масштабы его писательской мысли ещё более расширились и углубились. Уже не только трагедийный *архипелаг*, но весь катастрофический *континент* русской новейшей истории стал темой и содержанием грандиозного замысла романиста.

Тем не менее (и здесь-то начинается непонятное) в западной и эмигрантской прессе прокатился какой-то холодок, как от хорошей сплетни, чувства заметно смешались, стали противоречивыми. Прозаик-лауреат всё более начинал впадать в немилость: если не читателям, то, по крайней мере, некоторому, всё умножающемуся числу критиков. Более того, в мировой свободной

публицистике наметились попытки де-героизации писателя, едва ли не скоординированная кампания, сходная с волной клеветы на него в советской прессе десятилетием раньше.

Причины такой опалы (или одну из причин) я и хотел бы здесь определить, но чуть погодя, поскольку к этому времени относится стремительное восхождение другого нашего лауреата, поэта, к высшим литературным почестям.

Начиная с ранних 60-х, всё споспешествовало поэту: он входит в узкий кружок ленинградских (питерских?) интеллектуалов, где снискает себе репутацию литературного гения; его представляют Анне Ахматовой; даже гонения оборачиваются ему в конечном счёте на пользу, а вступление к книге, изданной на Западе, начинается с немыслимой фразы о том, что он "впервые возводит русскую поэзию в сан мировой".

Несмотря на дикость этого утверждения, в нём был какой-то толк: поэт, действительно, лез из языка и культуры, как из кожи. Его ранние поэмы, такие, как "Шествие" и "Холмы" имели местом действия некую общеевропейскую абстракцию. Да и в дальнейшем, если принять космополитизм свойством политически нейтральным, то именно это качество его сознания и стиля продолжает усиливаться: латинские название и эпитафии, английские посвящения и прочие западные заимствования и заставки оказываются исключительно характерны для будущего лауреата.

И язык поэм всё более отходит от слова к фразе, строфе, периоду...

Лауреат-прозаик, наоборот, в это время делает свой слог всё более "останавливающим", акцентируя каждое важное слово, делая его наиболее "русским", даже областным, по-Далю, что полностью соответствует его новой сосредоточенности на узловых точках российской культуры и истории.

И вот здесь западная критика впервые делает "фас" на прозаика. Вскоре он становится мишенью для некоторых чрезмерно публицистических, порой русофобских, взхлёб, упражнений: "монархист", "айятолла", "враг демократии". Дальше – больше: "сумасшедший", "антисемит"...

Полная противоположность прозаику, поэт-лауреат остаётся в лучшем случае равнодушным к русским национальным святыням: например, кроткие великомученики, князя Борис и Глеб, в его стихах "в морду хочут", и т. д.

Это отношение отвечало, и, видимо, продолжает отвечать публичным настроениям на Западе вообще и в эмиграции в частности, – ведь автору не было высказано ни упрека. Всё же некоторые моменты шокируют даже самых горячих поклонников

поэта, таких, к примеру, как Л. Лосев, который попытался как бы влезть в черновики, сфальсифицировать, замазать слишком уродливую строчку в описании типичной русско-отечественной вечеринки, заменив задним числом "кучу" на "кучера". Но здесь, боюсь, национальная этика была ни при чём, а лишь эстетика...

Представленный поэтом-лауреатом как новый князь П. Вяземский (вероятно, за язвительные стихи и желчную публицистику), Лев Лосев оказался тем критиком, который разом высказывался о двух русских живых памятниках. Потому-то его суждения можно взять "общим измерением" для этих, иначе никак не пересекающихся, литераторов. Он издаёт ряд статей о творчестве увенченного стихотворца, редактирует целый сборник исследований на эту тему. Но даже если Лосев-критик пишет о чём-то другом, то любая тема оказывается для него предлогом, чтобы послать комплимент поэту.

Не исключением в этом смысле было и его исследование о лауреате-прозаике, названное, по-видимому, с иронией: "Великолепное будущее России". Напечатанное в виде статьи в *Континенте* (№ 42, 1984 г.) и транслировавшееся по радио *Свобода* (авг. 1984 г.), это эссе вызвало целую бурю по инстанциям.

Дело в том, что по виду оно являло литературоведческий разбор одного из главных эпизодов исторической эпопеи прозаика, но по сути имело совсем другие, публицистические цели, что совершенно ясно видно из логики статьи, а также из полу-насмешек её обрамления.

Сам замысел романа ставится под сомнение, снижается ухмылкой о том, что "грандиозность проекта вызывает комические протесты у студентов и преподавателей..." На это же снижение работает и эпиграф из "Мёртвых душ" о колесе дрянной чичиковской брочки, явно выбранный по аналогии с "Колесом" эпопеи. Поэтому читатель (или слушатель) уже подготовлен к моменту, когда критик разворачивает главный номер своего разбора.

Прежде всего, он берёт важнейший эпизод романа (но всё же не единственный и не центральный) и, смещая композицию эпопеи, ставит его в самый *центр* повествования: убийство русского премьер-министра Столыпина евреем-террористом Богровым, Учитывая мнение писателя (а критик с ним по-своему согласен), что вместе со Столыпиным были убиты тогда великие реформы и то самое "великолепное будущее России", можно понять, что Лосев навязывает повествователю некий композиционный намёк: мол, смотрите, кто погубил Россию!

Но осторожный критик не хочет сам тыкать пальцем в

великого писателя, для этого достаточно сослаться на соответствующие страницы других экспертов-обвинителей: например, на книгу "Соляной столп", где его, Л. Лосева, "понимание этой темы очень близко к трактовке Э. Когана", т. е. автора книги о творчестве лауреата-прозаика (изд. "Поиски", Париж, 1982 г.). Но, если полистать, то вот что пишет на указанных страницах Коган, не стесняясь в выражениях: "Писатель поступает как заправский советский журналист, что выкуривает с наслаждением жида из благопристойно звучащего русского имени". Далее Коган выражается о прозаике-лауреате ещё круче...

Возвращаясь к Л. Лосеву, мы видим, что он, наоборот, пытается из прозаика "выкурить антисемита" и, переставив композиционные акценты, обостряет еврейскую тему. Однако этого мало: ему нужно показать "животный" антисемитизм прозаика, — тогда читатель сам (опять же — не критик) сможет ткнуть в великого писателя пальцем, назвать, заклеить и т. д.

И вот он приступает к этому занятию. Как заметил именно об этой статье Жорж Нива, известный швейцарский славист, "речь идёт о мифологеме змеи: молодой еврей-убийца уподобляется — через размышление о змее — Сатане... Вот, по Лосеву, ещё одно свидетельство присутствия мифологемы змеи: он извивается!" (Журн. "Обозрение" № 17, Париж, 1985).

Действительно, с каким-то особым упоением критик прослеживает в деталях повествование о том, как убийца, заворожив охрану и, внезапно ужалив жертву выстрелом, "змеясь чёрной спиной, убежал". А чему же ещё должен был уподобить прозаик зло внезапного убийственного действия, политического убийства, — как не змее, "в пяту жалящей"? Тем не менее, критик этим библейским образом не удовлетворяется и, желая пушего, выстраивает целые столбцы далеко идущих противопоставлений:

Столыпин	Богров
стоит	извивается
сильный	слабый
мужественный	бесполой
светлый	чёрный

Из этой коллекции эпитетов Лосев выстраивает собственное символическое противопоставление: "Крест — Змий", и здесь останавливается, приглашая читателя самому сотворить конечную мифологему: "русский — еврей". А, следовательно...

Но если мы всё ещё сомневаемся в причинах, почему повествователь придал такую "змеиность" террористу, то, для большей

понятности, эссеист подменяет библейского змея ещё худшим. И – вроде уже не существовало исторического факта, как будто романист его нафантазировал-наклеветал, – так работает зловещая параллель, которую критик извлекает из "Протоколов Сионских мудрецов". "Эти мудрецы решили мирно завоевать мир для Сиона хитростью Символического Змея"...

То есть, если представить, что писатель клянётся в верности фактам, положив руку на Библию, то критик как бы выхватывает из-под руки клянущегося Книгу книг и подсовывает вместо неё "Протоколы".

Итак, логика рассуждений пытается привести нас на самый порог довольно гнусного вывода о великом писателе, в то время, как стиль и слог статьи маскируют это намерение побочными рассуждениями и даже рассеянными комплиментами, – однако, какими? Да, в одном месте Лосеву понравилась фраза из романа, но он тут же эту похвалу отнимает у прозаика и передаёт своему любимцу поэту-лауреату, у которого сходная фраза была, кажется, лучше (или раньше)...

И всё-таки, даже в контексте других нападок на писателя, – откровенных, оголтелых, а порой и уголовно-непристойных, – эта попытка Л. Лосева кажется настолько опасной из-за её коварства, что хочется ещё и ещё раз проверить себя по другому источнику: нет ли ошибки, так ли предубеждён этот ядовитый критик против писателя?

Увы, в других сочинениях "нового князя Вяземского" эта неприязнь выражена ещё резче. Вот, например, стихотворение "Один день Льва Владимировича", – не правда ли, название, что-то напоминающее?.. Но следуем дальше:

"... За окном Вермонт...

...какую не увидишь там обитель:

в одной укрылся нелюдимый дед,

он в бороду толстовскую одет

и в сталинский полувоенный китель."

Здесь уже, что ни слово, то деталь злой карикатуры на знаменитого "вермонтского отшельника", изображаемого как гибрид Толстого и Сталина с накладной бородой...

Что ж, Лосев-стихотворец выражается вполне откровенно, а вот Лосев-критик, адресуясь к "не-читающим" широким кругам публики, как мне кажется, перемудрил... Отсюда и скандал на радио, когда в результате его самого обвинили в антисемитизме, что, конечно, нелепо. Но и он виноват: следовало бы высказываться ясней, как это сделали, например, Янов, Михайлов и Флегон.

В конечном счёте, нельзя не задать этот горький вопрос: почему? Отчего с таким остервенением критики набрасываются на прозаика-гиганта? Не действует ли здесь, по-Крылову, комплекс маленькой и очень злошей зверюшки?

Возможно и это... Но главное – в чём-то другом.

Любопытно, что многие обвинения против писателя строятся вокруг такого вопроса, как его национализм, хотя он себя националистом и не провозглашал. Само это понятие трактуется сейчас настолько широко, что границы его определения расплываются. Где, например, кончается патриотизм, и где начинается шовинизм?

Тем больше неразберихи в оценке различных национализмов: например, так ли уж великолепен польский национализм? А эстонский, латышский, литовский? Существует ли национализм еврейский, а также хорош ли украинский, и чем плох русский? И почему за одним народом он признаётся, а другому отказан?

На эти вопросы очень трудно ответить, хотя чувство подсказывает простую аналогию между достоинством национально-культурным и личным. Иначе говоря, всяк может уважать себя, но только не за счёт унижения других.

Если принять это немудрёное правило, то сколько же отпадет напраслин, обид, жёлчи и, в особенности, пенно кипящего публицистического гнева!

Итак, у нас есть два лауреата, и оба принадлежат как русской литературе, так и советской эмиграции...

Однажды Гёте, говоря с Эккерманом о Шиллере, заметил, что в пору его молодой славы Германия разделилась на две, чуть не до драки враждебные, партии: одна за Шиллера, а другая за него, Гёте, – "...вместо того, чтобы радоваться, что у Германии есть разом два таких молодца, как мы оба".

Не стоит ли нам прислушаться к словам великого немца, или же и его следует препарировать по национальному признаку?

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
ПРОЗА И ПОЭЗИЯ	
<i>Юрий Кублановский</i>	
С доверием к географии. Стихи	4
<i>Юрий Мамлеев</i>	
Отражение. Здравствуйте, друзья! Рассказы	8
<i>Генрих Сапгир</i>	
Этюды в манере Огарева и Случевского. Стихи	17
<i>Владимир Максимов</i>	
И аз воздам. Отрывок из романа	20
<i>Дмитрий Бобышев</i>	
Из книги: Звери Св. Антония. Бестиарий. Стихи	27
<i>Аркадий Бартов</i>	
Кое-что о Мухине. Повесть	37
<i>Татьяна Щербина</i>	
Из книги «Ноль-Ноль». Стихи	62
<i>Сергей Юрьенен</i>	
Медовый месяц. Отрывок из романа «Желание быть испанцем»	69
<i>Анри Волохонский</i>	
Песнь о Хасаре	86
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
<i>Юрий Кублановский</i>	
Мастерство. О прозе Татьяны Толстой	90
<i>Наталья Иванова</i>	
Шоковая терапия	93
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ	
<i>Владимир Набоков</i>	
Знаки и символы. Рассказ	121
<i>Георгий Иванов</i>	
Эллис. Рассказ человека из богемы	128
<i>Юрий Анненков</i>	
Ночное путешествие. Рассказ	137
ЭССЕ	
<i>Василий Аксенов</i>	
Чувство России	148
<i>Борис Тираспольский</i>	
По гамбургскому счету	154
НАШЕ ИНТЕРВЬЮ	
Беседа с Татьяной Толстой. «Идеи гласности и перестройки интеллигенция поддерживает...»	161
Параджанов покоряет Париж (перевод беседы корреспондента газеты «Либерасьон» с Сергеем Параджановым)	174

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Натан Эйдельман

Проблемы и задачи политической истории
России XVII-XIX веков или рассказ о перестройках
с хорошим концом и перестройках с плохим
концом. Выступление в Париже, в Сорбонне,
в июне 1988 года 179

Дора Штурман

Размышления на крутом склоне 189

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Александр Глезер

Живопись на страницах «Огонька» 213

РАЗГОВОР О ЖУРНАЛЕ

Прощаясь с ежемесячником «Стрелец». Беседа
Александра Глезера и Сергея Юрьенена 218

Вадим Крейд

Приветственное слово «Стрельцу» 233

НАША КОНФЕРЕНЦИЯ

Международная конференция,
посвященная А.И.Солженицыну 236

Письмо А.И.Солженицыну
от участников конференции 237

Юрий Кублановский

Приветствие солженицынской конференции 238

Выступление Василия Аксенова 239

Выступление проф. Валерия Сойфера 245

Александр Глезер

Солженицын и эмиграция 249

Дмитрий Бобышев

Два лауреата 254

Галина Бови-Кизилова

Солженицын и Россия — неразделимы 261

Борис Тираспольский

Исполнение миссии 264

Проф. Джон Б. Данлоп

Как Александр Солженицын был почти
реабилитирован и снова предан анафеме 269

Юрий Кублановский

Стиль и историософия «Красного колеса»
А.И.Солженицына 283

Лев Посев

Солженицынские евреи 294

Дора Штурман

Несколько слов к семидесятилетию Солженицына 312

СОЛЖЕНИЦИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА В МОСКВЕ

По сообщению газеты «Нью-Йорк таймс» от 13 декабря 1988 года, в Москве 11 декабря состоялись торжественные собрания, посвященные семидесятилетию А. И. Солженицына. Эти собрания прошли в Доме кинематографистов, Доме Архитекторов и в Доме медицинских работников.

В Доме кино выступили с речами председатель Союза кинематографистов Андрей Смирнов, литературные критики Игорь Виноградов, Владимир Лапшин, Юрий Корякин и главный редактор газеты «Московские новости» Егор Яковлев. Последний сказал: «Мы должны принять его таким, каков он есть» (обр. перевод с англ.). И. Виноградов в своем выступлении, под аплодисменты присутствующих, упомянул «Архипелаг ГУЛАГ». А Ю. Корякин заявил: «Дайте Солженицыну быть антикоммунистом. Достоевский был антикоммунистом, но можем ли мы называть его нашим врагом?» (обр. перевод с англ.).

Отдавая дань мужеству выступавших (напомним, что незадолго до солженицинских торжеств в Москве новый идеолог партии Вадим Медведев объявил на встрече с редакторами газет и журналов, что произведения и само имя писателя не должны больше упоминаться в печати), «Нью-Йорк таймс» замечает, и редакция «Стрельца» к этому замечанию присоединяется, что московские торжества, посвященные А. И. Солженицыну, не могли состояться без разрешения свыше.